

Пока светит старый фонарь

Елена Суркова

Елена Суркова

Пока светит старый фонарь

<https://litres.ru/74326499>

SelfPub; 2026

Аннотация

Книга представляет собой сборник рассказов про обычных людей. Быть может, вы даже видели кого-то из них мимоходом. Они любят, злятся, теряют близких и сталкиваются с болезнями. Что им помогает пережить все это и справиться с трудностями? Листайте книгу и герои рассказов все вам расскажут сами.

Содержание

Иван Сергеевич

4

Конец ознакомительного фрагмента.

13

Елена Суркова

Пока светит старый фонарь

Иван Сергеевич

Иван Сергеевич, устало ссутулившись, сидел за столом, подперев голову руками. Рядом на столе, валялись сброшенные очки. Смотреть ни на что не хотелось.

Они вернулись с женой из города. Ездили в онкоцентр.

Диагноз у жены подтвердился – рак молочной железы. Врачи сказали – нужно оперировать.

Любаше выписали противоопухолевые таблетки и направления на анализы. Через две недели предстояла операция.

Иван Сергеевич вспомнил, как ему вырезали аппендицит. Как лежал на кровати после операции и смотрел на серые стены палаты. А стены – угнетали. Хотелось побыстрее выбраться на свободу. Он представил Любашу в этих стенах и ему так жалко её стало!

Как так получилось, что она раком заболела? Ведь ни разу в больнице не лежала. Даже простудами редко болела.

Иван Сергеевич слышал, как жена тихо плачет в соседней

комнате. Знал, что надо бы пойти к ней. Успокоить. Сказать, что все будет хорошо. Но как говорить, если сам не уверен. Всякое же может случиться – врачи не боги. Сам он, конечно, и по дому сделает всё, что надо, и заработок дополнительный поищет (мало ли какие расходы потребуются для лечения), но ни на болезнь, ни на результат операции повлиять он не сможет.

По дороге домой Любаша сказала, что хочет продолжить работать. Она была единственным учителем по русскому и литературе в их деревенской школе и не хотела бросать учеников – до летних каникул рукой подать.

– И давай пока никому из родных не говорить. Не хочу я ни сочувствия, ни жалости, – Любаша вздохнула. – Скажем, что у меня профилактическое лечение. Придумаем что-нибудь такое... несерьезное.

Иван Сергеевич согласился. Он на многое бы согласился, чтобы Любаше было хорошо.

Вздохнул и почувствовал, как затекли руки. Опустил их на стол, поднял голову.

В кухне было сумрачно. Он надел очки.

Встал. Вышел в коридор.

Крикнул в комнату, где так же в полумраке на кровати лежала жена:

– Люб, я пройдуся! Я ненадолго. Тебе чего-нибудь в ма-

газине купить?

– Ничего не надо. – хоть и не сразу, через паузу, но всё же отозвалась жена.

Иван Сергеевич вышел в домашнем: футболка, трико. Надел только ветровку и кроссовки.

Первая половина мая выдалась тёплой. Листья на деревьях уже вовсю распустились. Воздух был по весеннему чистым и свежим. Фонари ещё не горели – слишком рано для фонарей.

Иван Сергеевич прошел по улице до перекрестка, тут же развернулся и пошел обратно. Дошел до дома, опять развернулся, снова пошел вдоль улицы. Ходьба успокаивала.

Проделав пять таких "кренделей" с разворотами, Иван Сергеевич все же вывернул со своей улицы и быстро пошел в сторону магазина – даже дыхание немного сбилось.

Магазин был так ослепительно ярко освещен, что Иван Сергеевич невольно остановился на пороге и сощурился, привыкая к свету. Потом, соображая, чтобы такое взять, побродил немного между полок.

Любаша сказала, что ничего не надо. Но ему хотелось порадовать ее. Он остановился возле ларя с мороженым. Открыл, покопался и достал килограммовую пачку шоколадного.

Сегодня торговала Марина, сестра напарника. Иван Сергеевич поздоровался, сунул руку в карман и понял, что не взял деньги.

– Марин, дай в долг до завтра? – попросил он. – Ездили сегодня в город с Любашей, устал. Видать, с устатку деньги и забыл.

– Да ладно, дядь Вань, берите! – кивнула Марина и тепло, сочувствующе улыбнулась. – Знаю, что принесете.

– Спасибо, Марин, – поблагодарил он и, попрощавшись кивком, быстро пошагал домой, пока мороженое не растаяло.

Жена не закрывалась, значит, не вставала. В доме было темно. Иван Сергеевич нащупал выключатель возле двери и зажег свет. Снял кроссовки у порога, чтобы не тащить в дом уличную пыль. Прошел и заглянул в спальню.

– Любаш? – позвал он.

– М? – отозвалась из темноты жена.

– Я мороженое купил, пошли, съедим? Жду тебя на кухне, – не дожидаясь ответа, развернулся и ушел раскладывать мороженое по тарелкам.

Расчет оказался верным. Спустя минут пять на пороге кухни появилась Любаша. Она щурилась и терла глаза.

– Что-то не хочу я света, Вань, давай выключим.

– А как же мы будем мороженое есть в темноте? – удивился Иван Сергеевич.

Жена неопределенно пожала плечами.

Он подумал и вспомнил, что у Любаши где-то были припрятаны свечи на случай отключения света. Его в последнее время часто отключали. Сети старые, и в случае порывов

приходилось подолгу ждать, когда их устранят.

– А где твои свечи, Люб? – спросил он.

– Да в посудном шкафу, в выдвижном ящичке. – подсказала жена.

Иван Сергеевич быстро сориентировался – нашел свечи, взял два стакана. Насыпал в стаканы крупу, которая подвернулась под руку – оказалось пшено. Воткнул в него свечи, в каждый стакан по одной. Зажег.

– Гаси свет, Любаш, – скомандовал он.

Жена послушно щелкнула выключателем, подошла к столу и села.

Иван Сергеевич сел напротив и придвинул к Любаше суповую тарелку с мороженым.

– Куда столько? – поразилась жена, оглядывая свою порцию.

– Так не ужинали же, – пожал плечами Иван Сергеевич, – пусть вместо ужина будет.

Они стали есть мороженое. Свечи тускло озаряли их лица.

– На консилиуме сказали, что может удалить сегмент груди, а может и всю. – нарушила молчание Любаша, глядя в тарелку.

Иван Сергеевич посмотрел на жену. Опасаясь, что она снова заплачет, осторожно ответил:

– Да, я слышал. Будем надеяться на лучшее.

– А если случится худшее, Ваня? – спросила жена.

Тема была не простой. Иван Сергеевич поежился.

– Будем жить дальше, это главное. – ответил он.

– Я не об этом, – жена как будто даже рассердилась, но, помолчав немного, спросила чуть слышно: – Будешь ли ты меня по-прежнему любить? Такую?

– Конечно буду, – ответил Иван Сергеевич.

И смутился. Как-то слишком уж быстро он ответил. Как будто сказал это только для того, чтобы успокоить. А может, так оно и было?

Любаша не доела мороженое и ушла спать.

Иван Сергеевич вымыл чашки и тоже лёг, а вот уснуть никак не получалось. Тревожные мысли о страшной болезни жены, вызывавшие к ней жалость и сочувствие, сменились другими. А что, если Любаше и правда сделают радикальную операцию? Сможет ли он относиться к жене как к женщине, или только жалость и останется? Что если он почувствует тягу к какой-то другой женщине? Вон, Марина, например, одинокая, симпатичная...

Иван Сергеевич долго еще ворочался, прогоняя неприятные мысли, но они все равно лезли в голову. Наконец, он уснул. Сон, тяжёлый и душный, придавил его, как старый ватный матрас.

Любаша ходила в поликлинику чуть не каждый день: сдать анализы, забрать анализы, сделать кардиограмму, флюорографию, забрать результаты.

Ей прописали противоопухолевые средства, и они оказались тяжеловаты для ее организма. Любаша постоянно чувствовала слабость. Приходила с работы и ложилась отдыхать. Однажды Иван Сергеевич застал её за столом, спящую. Проверяла диктанты и уснула.

В их кухне поселились запасы «ролтона», чего раньше не бывало. Любаша не признавала «быструю» еду, считала её вредной. А теперь смирилась, не было силы на готовку.

Есть лапшу быстрого приготовления не хотелось. Иван Сергеевич работал диспетчером в РЭСе, по графику «сутки-трое». Скотину они с женой не держали: мороки с ней много, да и корма дорогие. В общем, если одни сутки пусть даже целиком отсыпаться после смены, то все равно остается еще два свободных дня. Решил помогать жене с готовкой.

Конечно, не повар, но простые блюда готовить умел. Да и Любашу хотелось подкормить. Шутка ли, рак. Её организму сейчас хорошее питание нужно. А то уже худеть начала, то ли от волнений, то ли от болезни, то ли от этого «пустого» ролтона.

Потом и с уборкой начал помогать. Тут уж не до глаженных рубашек стало. Зато пол помыть и пропылесосить, посуду перемыть, вещи в стиралку забросить – запросто. На работу стал ходить в футболках, а Любаша – в платьях, не требующих глажки.

Приближался день госпитализации. У Любаши было почти все готово, нужно было только повторить общий анализ

крови.

Иван Сергеевич пришёл со смены и застал супругу в слезах. Нет, не то, чтобы рыдала, но лежала, уткнувшись носом в подушку и шмыгала носом.

Присел к ней на кровать.

– Что-то случилось, Любаш?

– Представляешь, мне позвонили сегодня из онкоцентра и сказали, что только через неделю смогут меня принять и прооперировать. Операция откладывается на неделю! – в голосе жены была смесь тревоги, грусти и возмущения.

– Неприятно, – озвучил Иван Сергеевич первое, что пришло на ум. – Но, наверное, неделя, это не так уж страшно.

– Наверное, – вздохнула жена, развернулась и села на кровати рядом с Иваном Сергеевичем. – Но знаешь, как-то тревожно думать, что все это время опухоль в груди будет разрастаться.

Муж обнял ее, погладил по спине. Что тут скажешь? Конечно, тревожно!

А Любаша после этого «ушла в себя». Она мало разговаривала с мужем, больше лежала или смотрела телевизор.

Иван Сергеевич чувствовал себя заброшенным и ненужным. Ближе к концу недели он даже забежал в продуктовый не столько за продуктами, сколько переброситься словом с Мариной. Хотелось чего-то тёплого, женского.

В понедельник он отвёз Любашу в город, в онкоцентр.

Когда вернулся, дома его встретила гнетущая тишина.

Он побродил по комнатам, потом переоделся и вышел во двор – колоть дрова. Когда работаешь, грустить и тревожиться некогда.

С Любашей разговаривали по телефону каждый день. Ее вовсю готовили к операции, и в среду наконец прооперировали.

Опасения жены подтвердились – грудь удалили полностью. Иван Сергеевич старался об этом не думать, благо и без того забот хватало, было чем голову занять. И все же неприятные мысли, даже загнанные на задворки сознания, не уходили совсем, и, время от времени возвращаясь, не давали покоя. Вопрос: сможет ли он по-прежнему относиться к жене, как к желанной женщине, так и оставался не решенным.

После операции тревоги и переживания не отпустили Любашу. В ежедневных разговорах по телефону она жаловалась ему на боли, рассказывала о процедурах и перевязках, кто ещё лежит в палате и с чем. А у него только спросит мимоходом, как дела, что кушал? И то не каждый раз. И все.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.